

ВѢЧНЫЙ МИРЪ ВЪ ФИЛОСОФСКОМЪ ПРОЕКТѢ КАНТА.

(Окончаніе) ¹⁾.

III.

Гарантіи вѣчнаго мира.

Вѣчный миръ безспорно составляетъ *идеаль* культурнаго челоувѣчества. Если-бы Кантъ хотѣлъ только это доказать своимъ сочиненіемъ „Zum ewigen Frieden“, то ему, пожалуй, незачѣмъ было-бы и писать его, потому что за идеаль - то вѣчный миръ и безъ того признавался съ тѣхъ поръ, какъ христіанство подчинило себѣ народы Европы; но историческая необходимость всегда понуждала народы отступать отъ требованій этого идеала и подыскивать такія или иныя оправданія для подобнаго отступленія. Нѣтъ, Кантъ въ осуществленіи вѣчнаго мира видѣлъ не только идеаль челоувѣчества, но и его прямую историческую *задачу*, т. е. не считалъ этого идеала лишь вѣчнымъ образцомъ международныхъ отношеній, къ которому можно болѣе или менѣе приближаться, *никогда* его не осуществляя. Предлагая *средства* къ предотвращенію войнъ (въ прелиминарныхъ статьяхъ вѣчнаго мира) и указывая положительныя *условія*, при которыхъ дѣлается вполне легкимъ примѣненіе этихъ средствъ и осуществленіе идеала (въ дефинитивныхъ статьяхъ), Кантъ тѣмъ самымъ выражалъ свою увѣренность въ томъ, что идеаль его *можетъ быть осуществлень*, и надежду, — что онъ *будетъ* осуществлень. На чемъ-же покоятся такая вѣра и такая надежда? Опытъ прошлаго не даетъ основанія для

¹⁾ См. Мартовскую книжку *Богосл. Вѣст.*, стр. 402—434

подобныхъ упованій на будущее. Должны, слѣдовательно, существовать такія данныя, которыя заставляютъ думать, что будущее окажется лучше прошлаго, что человѣчество не стоитъ на мѣстѣ, не всегда будетъ повторять въ своей исторіи старое, а *прогрессируетъ* и вырабатываетъ постепенно элементы новаго порядка, который, наконецъ, вполне замѣститъ собою старый. Гдѣ-же эти данныя? По мнѣнію Канта, вѣчный миръ есть *естественная цѣль* человѣческаго развитія, движеніе къ этой цѣли *предопредѣлено*, съ одной стороны, *природой*, а съ другой,—условіями *умственной жизни* людей.

а) *Гарантія вѣчнаго мира въ природѣ.*

„Гарантію вѣчнаго мира, — говоритъ Кантъ, — даетъ, ни больше ни меньше, какъ сама великая художница *природа* (*natura daedala regum*), въ механическихъ процессахъ которой явственно обнаруживается цѣлесообразность, производящая изъ раздора людей,—даже противъ ихъ воли, — согласіе и потому называемая—*судьбою*, какъ принужденіе нѣкоторой, неизвѣстной намъ со стороны законовъ своего дѣйствія причины, или-же—*провидѣніемъ*, какъ обнаруживающаяся, при разсматриваніи цѣлесообразности міровыхъ процессовъ, глубокая мудрость нѣкоторой высшей Причины, стремящейся къ осуществленію конечной цѣли человѣческаго рода и предопредѣляющей ходъ міровой жизни“¹⁾. Кантъ предпочитаетъ, изслѣдуя условія, ведущія къ вѣчному миру даже помимо воли и намѣренія людей, говорить о *природѣ*, а не о *промыслѣ* — потому, что это кажется ему, во-первыхъ, бо-тѣе сообразнымъ съ *ограниченностью* человѣческаго разума, который достоверно познавать отношеніе причины и дѣйствія можетъ только въ предѣлахъ возможнаго опыта, и, во-вторыхъ, онъ находитъ, что это будетъ гораздо *скромнѣе*: разсуждая о промыслѣ, умъ придѣлывалъ-бы себѣ Икаровскія крылья, чтобы приблизиться къ тайнѣ неисповѣдимыхъ на-

¹⁾ Zum ewigen Frieden, SS 25—26 —Въ первой части своего настоящаго очерка мы забыли упомянуть, что цитируемъ „Zum ewigen Frieden“ Канта по изданію *Kehrbach*'а въ „Universal - Bibliothek“ *Reclam*'а № 1501, въ основу котораго положенъ текстъ изданія 1795 года, сличенный съ манускриптомъ и текстомъ изданія 1796 года. Слѣдующимъ теперь восполнить этотъ недосмотръ.

мѣреній Божіихъ ¹⁾... Но этимъ Кантъ нисколько не отрицаетъ и не умаляетъ провиденціального характера во всемъ ходѣ человѣческой исторіи и міровой жизни. Въ примѣчаніи къ разсматриваемому мѣсту своей книги онъ излагаетъ свои воззрѣнія на промыслъ Божій. Здѣсь, указывая на различіе четырехъ видовъ промысла,—1) *зиждательное* предопредѣленіе, имѣвшее мѣсто при самомъ началѣ міра (*providentia conditrix*: „semel iussit, semper parent“—Августинъ), 2) *правлящее* провидѣніе (*providentia gubernatrix*), сохраняющее и поддерживающее общую цѣлесообразность мірового процесса, 3) *руководящее* провидѣніе (*providentia directrix*), направляющее исторію къ нѣкоторымъ особеннымъ цѣлямъ, которыхъ люди предвидѣть не могутъ, а догадываются о нихъ только по послѣдствіямъ, и 4) обнаруживающійся въ иныхъ событіяхъ актъ *нарочитой воли Божіей* (*directio extraordinaria*), что у насъ нерѣдко называется „перстомъ Божиимъ“ ²⁾,—онъ утверждаетъ, что нужно быть очень осторожнымъ въ признаніи тѣхъ или иныхъ событій именно за нарочитыя дѣйствія воли Божіей; только „глупая дерзость“ людская способна, не задумываясь, сводить на *непосредственныя* цѣли Божества то, что, можетъ быть, есть естественное и механическое побочное слѣдствіе *другихъ* цѣлей ³⁾. Такимъ образомъ, и признавая промыслительное дѣйствіе Божества въ мірѣ, мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что оно — вотъ именно здѣсь, а не тамъ. Не нужно злоупотреблять догматами вѣры, дабы неискуснымъ ихъ научнымъ употребленіемъ не скомпрометтировать заключающейся въ нихъ истины.

Какимъ-же образомъ природа даетъ гарантіи вѣчнаго мира между народами?

Прежде чѣмъ изслѣдовать этотъ вопросъ, Кантъ разсматриваетъ условія, въ которыя природа поставила жизнь чело-вѣка и которыя требуютъ, чтобы между людьми сохранялся миръ; а затѣмъ уже онъ переходитъ къ тому, какъ природа, удовлетворяя этому требованію, гарантируетъ миръ на землѣ.

Три черты, по словамъ Канта, характеризуютъ естествен-

¹⁾ *ibid*, SS. 27—28

²⁾ *ibid*, S 26, Anmerk

³⁾ *ibid*

ныя условія земного человѣческаго существованія: 1) природа позаботилась, чтобы человѣкъ могъ жить во всѣхъ странахъ земного шара;—2) войны содѣйствуютъ расселенію людей по всему свѣту и заселенію даже неудобобитаемыхъ странъ;—3) война-же побуждаетъ людей вступать другъ съ другомъ въ болѣе или менѣе тѣсныя юридическія отношенія.

Уже то достойно удивленія, что, напр., въ холодныхъ пустыняхъ при ледовитомъ морѣ произрастаетъ еще мохъ, который изъ-подъ снѣга выкапываетъ сѣверный олень, чтобы, въ свою очередь, сдѣлаться пищей или служить для упряжки остяку и самоѣду; или еще—солончаковыя песчанныя пустыни имѣютъ верблюда, который кажется нарочно созданнымъ для путешествія по нимъ, дабы и ими могъ воспользоваться человѣкъ ¹⁾. Еще яснѣе обнаруживается эта цѣль, если принять во вниманіе, что кромѣ пушныхъ звѣрей у береговъ ледовитаго моря еще тюлени, моржи и киты доставляютъ тамошнимъ обитателямъ пищу своимъ мясомъ, отопленіе своимъ жиромъ. Еще больше вызываетъ удивленія заботливость природы, когда она морскими теченіями неизвѣстно откуда приноситъ пловучій лѣсъ къ этимъ чуждымъ растительности странамъ, безъ чего ихъ обитатели не имѣли бы матеріала, чтобы изготовлять свои судна, оружіе и хижины. И они тамъ, удовлетворяясь войною противъ животныхъ, живутъ между собою въ мирѣ ²⁾.

„Позаботившись о томъ, чтобы люди на землѣ повсюду могли жить, говорить Кантъ природа вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ деспотическое желаніе,—что они повсюду и *должны* жить, хотя-бы и вопреки своимъ склонностямъ.... И для достиженія этой своей цѣли она избрала орудіемъ войну“ ³⁾.

¹⁾ *ibid.* S. 28.

²⁾ *ibid.* „Могутъ спросить,—оговаривается Кантъ по поводу этого своего соображенія: если природа желаетъ чтобы эти берега Ледовитаго моря не оставались необитаемыми, то что-же будетъ съ ихъ населеніемъ, когда она (какъ можно ожидать) не будетъ болѣе доставлять имъ пловучаго лѣса“? Несомнѣнно, что съ успѣхами культуры, побережный лѣсъ будетъ лучше утилизироваться и не будетъ уноситься въ море „Я отвѣчаю, говоритъ Кантъ: тогда жители береговъ Оби, Енисея, Лены и т. п. будутъ доставлять имъ лѣсъ, какъ предметъ торговли, въ обмѣнъ за продукты животнаго царства, которыми такъ богато море у этихъ береговъ,—если только природа заставитъ эти народы жить въ мирѣ“ (*ibid.* S. 30. Anm.).

³⁾ *ibid.* S. 29.

Мы видимъ, напримѣръ, народы, у которыхъ единство ихъ языка указываетъ на единство происхожденія (таковы—*самоды* на морскомъ берегу и народъ на *Алтайскихъ* горахъ, говорящій подобнымъ-же языкомъ, но удаленный отъ перваго на двѣсти миль), но между которыми втиснулся другой народъ наѣздническій и воинственный (*монгольскаго* племени); очевидно, что послѣдній оттѣснилъ часть племени съ его первоначальной территоріи къ ледовитому морю, ибо не по доброй-же волѣ поселились тамъ эти люди. Подобнымъ-же образомъ *финны* отдѣлены отъ далекихъ отъ нихъ по территоріи по родственныхъ имъ по языку *венгровъ* втиснувшимися между ними *готскими* и *сарматскими* народами. Затѣмъ *эскимосовъ* и *нешересовъ* что могло загнать—первыхъ на крайній сѣверъ, а послѣднихъ на крайній югъ до Огненной земли, — кромѣ войны, которой природа пользуется, какъ средствомъ для повсюднаго заселенія земли? ¹⁾ Такъ природа пользуется для своихъ цѣлей войной. Что-же касается самой войны, то она не нуждается ни въ какихъ нарочитыхъ и искусственныхъ возбужденіяхъ: въ самихъ людяхъ достаточно звѣрскихъ инстинктовъ, которые долго еще не смогутъ предъ требованіями нравственнаго закона... Военная храбрость,¹⁾ у многихъ дикарей доселѣ считается, а въ эпоху средне-вѣковаго рыцарства и въ Европѣ считалась особеннымъ достоинствомъ. Даже философы ее восхваляли ²⁾.

Но война-же побуждаетъ людей выйти изъ естественнаго состоянія и установить нѣкоторыя юридическія отношенія, которыя, въ своемъ послѣдовательномъ ростѣ и развитіи, приводятъ, наконецъ, къ утвержденію вѣчнаго мира между народами. Война сплачиваетъ людей въ государства, а государственная организація есть первый шагъ къ утвержденію на землѣ господства законности и права вмѣсто силы. По крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ группъ, объединенныхъ въ государство, законъ царить съ тѣмъ большею силой, чѣмъ совершеннѣе государственная организація; — проявленіямъ естественной враждебности и эгоизма поставлены границы. „Если-бы народъ,—говоритъ Кантъ, — внутренними своими неурядищами и не былъ вынужденъ подчиниться принуж-

¹⁾ *ibid* S 29—30

²⁾ *ibid*, 30—31

денію публичныхъ законовъ, то это отвѣтъ сдѣлала-бы война“¹⁾. Каждый народъ,—разъ природа позаботилась о повсюдномъ заселеніи земли,—находитъ рядомъ съ собою тѣснящій его сосѣдній народъ, противъ котораго онъ и долженъ внутренно объединиться, образовавъ изъ себя *государство*, чтобы противостать врагу во всеоружіи *силы* ²⁾. Общія интересы и общая выгода, т. е. общій эгоизмъ, связываютъ людей въ государственныя группы, а противоборство личныхъ интересовъ и выгодъ, т. е. столкновение индивидуальных эгоизмовъ, побуждаютъ ихъ выработать нормы гражданской справедливости и гарантировать ее принужденіемъ закона ³⁾. „Природа непреодолимо *хочетъ*, чтобы право, наконецъ, получило верховную власть (*die Natur will unwiderstehlich, dass das Recht zuletzt die Obergewalt erhalte*)“⁴⁾,—и она умѣетъ этого достигнуть, не взирая на индивидуальный эгоизмъ и своекорыстіе отдѣльныхъ людей. Господство справедливости въ народѣ, достигшемъ государственнаго устройства, не есть такая цѣль, для полнаго осуществленія которой люди все должны бы стать ангелами. Проблема законѣрнаго государственнаго устройства, говоритъ Кантъ, „разрѣшима и для народа, который состоялъ-бы даже изъ чертей, если-бы только они имѣли разумъ“⁵⁾. Для всякаго эгоиста выгодно кое-чемъ, ограничить свой эгоизмъ въ пользу ближнихъ, лишь-бы въ другихъ случаяхъ пользоваться защитой закона и сильной власти. При этомъ мы имѣемъ дѣло не съ нравственнымъ улучшеніемъ людей, а съ простымъ „механизмомъ природы“, направляющимъ самую борьбу враждебныхъ людскихъ эгоизмовъ въ народѣ къ выработкѣ нѣкотораго законнаго порядка, обезпечивающаго путемъ принужденія мирное сожителство людей ⁶⁾.

Таковы три черты, которыми, по Канту, характеризуются условія земнаго существованія челоувѣчества. Природа назначила людямъ для обитанія всю землю, расселяетъ ихъ дѣйствительно по всей землѣ до самыхъ отдаленныхъ ея

1) *ibid.* 31

2) *Ibid.*

3) *ibid.*, 31—32.

4) *ibid.* S 33

5) *ibid.* S. 32.

6) *ibid.*

предѣловъ и заставляетъ спланиваться въ государства 1). Въ какомъ-же отношеніи эти данныя стоятъ къ интересамъ вѣчнаго мира? Какъ природа отъ этой заботы объ отдѣльныхъ народахъ переходитъ къ водворенію мира и въ международныхъ отношеніяхъ?—Соединяя народы въ государства, природа какъ-бы даетъ естественный образецъ того состоянія, въ которомъ господствуютъ право и законность, а не сила. Но этотъ образецъ не можетъ служить задачей для всего человѣчества въ цѣломъ. Заселяя людьми весь земной шаръ, природа дѣлаетъ неудобнымъ ихъ объединеніе въ одно государство—даже въ интересахъ справедливости и законности. Этимъ нѣсколько осложняется ея задача гарантировать вѣчный миръ народовъ.

Мирныя *международныя* отношенія, регулируемыя началами *права и законности*, а не войной и насиліемъ, предполагаютъ два условія: 1) нѣкоторую *обособленность* народовъ, при которой каждый народъ образуетъ самостоятельное государство;—при всемірной монархіи, на примѣръ, миръ хотя-бы и существовалъ, но былъ-бы явленіемъ скорѣе гражданскаго права, чѣмъ международнаго (*jus gentium*); 2) *объединеніе* народовъ въ признаніи нѣкоторыхъ общеобязательныхъ юридическихъ нормъ и въ одинаковомъ общемъ пользованіи нѣкоторыми благами культуры и цивилизаціи;—принципы крайняго націонализма всегда приведутъ къ обостренію вражды между народами и ко множеству международныхъ несправедливостей, ибо какъ въ гражданскихъ, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ право вноситъ начало извѣстнаго взаимнаго ограниченія эгоизмовъ отдѣльныхъ юридическихъ лицъ. Достигаетъ-ли природа этихъ двухъ цѣлей и—какимъ образомъ?

1) Мы не беремъ на себя задачи входить въ критическую оцѣнку воззрѣній Канта насчетъ этого механизма природы. Считаемъ только необходимымъ замѣтить, что если-бы этотъ взглядъ Канта и оказался неправильнымъ въ частностяхъ своего физико-географическаго, этнографическаго и культурно-историческаго обоснованія, всегакъ его три тезиса по существу своему остались-бы вѣрными. Безспорно, что люди могутъ жить вездѣ на землѣ, что, съ ростомъ населенія, дѣйствительно вся земля рано или поздно заселится, а гражданственность и законопослушное государственное устройство составляютъ, повидному, такой неизбѣжный продуктъ цивилизаціи, что отнюдь не члѣзъ сомнѣваться въ скоромъ усвоеніи ихъ всѣми народами.

Что касается первой цѣли, т. е. *обособленія* народовъ, то Кантъ прежде всего утверждаетъ ея *желательность* съ точки зрѣнія идеаловъ разума и справедливости. По его словамъ, хотя такое состояніе само по себѣ и благопріятствуетъ войнѣ, если только народы при немъ не объединены въ нѣкоторую федерацію,—оно всетаки лучше, чѣмъ сліяніе ихъ въ одно государство, потому что съ увеличеніемъ объема управленія заботы объ общегосударственныхъ интересахъ берутъ перевѣсъ надъ удовлетвореніемъ справедливыхъ и законныхъ потребностей отдѣльныхъ группъ и лицъ; принципы законности будутъ все болѣе и болѣе приноситься въ жертву интересамъ государственнаго единства, и водворится такой бездушный *деспотизмъ*, который, истребивъ всѣ сѣмена добра, приведетъ, наконецъ, ко всеобщей революціи и *анархіи* ¹⁾. Это—безспорно вѣрное наблюденіе. Только насиліе и жесточайшій деспотизмъ способны были-бы удерживать такое всемірное государство отъ распозанія по всѣмъ швамъ, отъ разложенія на его составные первоначальные элементы; и чѣмъ крѣпче была-бы эта насильственная связь, тѣмъ сильнѣе и рѣзче былъ-бы взрывъ революціонныхъ страстей, порожденныхъ ею, тѣмъ радикальнѣе было-бы слѣдующее затѣмъ разложеніе. Позаботиться объ извѣстныхъ средствахъ разъединенія людей тѣмъ необходимѣе, что при сплошной заселенности всей земли,—къ чему по Канту, стремится сама природа, — всемірное государство явило-бы образецъ невиданныхъ и неслыханныхъ еще жестокости и деспотизма.

И природа позаботилась поставить препятствія сліянію всѣхъ народовъ земли въ одно государство. Она пользуется двумя средствами, чтобы разъединять народы и удерживать ихъ отъ смѣшенія: различіемъ *языковъ* и различіемъ *религій*. Хотя это различіе и приноситъ съ собою склонность ко взаимной ненависти и даетъ нерѣдко поводъ къ войнѣ, но съ ростомъ культуры эта вредная черта отступаетъ на задній планъ, народы все болѣе и болѣе сближаются другъ съ другомъ, все больше оказывается между ними согласія въ принципахъ и взаимнаго пониманія, такъ что, при извѣстной національной обособленности, между ними вполне возможенъ прочный постоянный миръ. Этотъ миръ,—въ отличіе

¹⁾ Ibid S 33.

отъ неизбежнаго деспотизма универсальнаго государства,— будетъ опираться не на ослабленіе всѣхъ силъ, а на ихъ равновѣсіе, при оживленномъ и плодотворномъ соревнованіи ихъ другъ съ другомъ. Этотъ миръ не будетъ купленъ цѣною свободы ¹⁾).

Изъ этихъ двухъ средствъ, какими природа, по Канту, пользуется для разъединенія народовъ, различіе религій, само собою понятно, не принадлежитъ къ числу вѣчныхъ и постоянныхъ различій. Вполнѣ допустимо религіозное объединеніе человѣчества. И самъ Кантъ признаетъ, что какъ существуетъ одна только истинная нравственность, такъ должна для всѣхъ людей существовать и одна религія ²⁾. Мысль, что истинная религія—универсальна, присуща всѣмъ исторически извѣстнымъ исповѣданіямъ. Наша церковь, вознося на всѣхъ богослуженіяхъ прошеніе „о соединеніи всѣхъ“, выражаетъ именно эту мысль. А кто знаетъ, чѣмъ насъ подаритъ болѣе или менѣе отдаленное будущее?... Совѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ другимъ источникомъ разъединенія народовъ. Языкъ является неотъемлемой принадлежностью народа, достигшаго національнаго самосознанія. Только младенчаствующие народы еще могутъ болѣе или менѣе легко усвоить языкъ другого народа. Развитая-же нація отъ своего языка никогда не откажется. Поэтому языкъ, надо думать, навсегда останется существеннымъ признакомъ національности, а единство національности всегда будетъ имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ объединеніи тѣхъ или иныхъ политически различныхъ народовъ или о раздѣленіи насильственно объединенныхъ различныхъ національностей. Человѣчество со временемъ разобьется на политическія группы, говорящія каждая своимъ языкомъ. Число этихъ группъ, несомнѣнно, будетъ гораздо меньше числа современныхъ государствъ и меньше также числа языковъ и нарѣчій, существующихъ теперь на землѣ, потому что нѣкоторыя малокультурныя нарѣчія исчезнутъ; но во всякомъ случаѣ, это число будетъ весьма значительно. Дальше этого объединеніе,—по крайней мѣрѣ, не насильственное, — идти не можетъ. Такимъ образомъ, національное самосознаніе от-

¹⁾ *ibid.* SS. 33—34.

²⁾ *ibid.*, S. 33 Anmerk.

дѣльныхъ народовъ, закрѣпленное для каждаго въ его языкѣ, будетъ служить постояннымъ препятствіемъ къ сліянію чело- вѣчества въ одно всемірное государство.

Но, мудро поддерживая національное раздѣленіе чело- вѣчества, природа, какъ утверждаетъ Кантъ, не позволяетъ этому раздѣленію перейти въ національную исключитель- ность (націонализмъ); она находитъ средства *соединять* на- роды общими интересами и тѣмъ подготавливаетъ почву для юридическихъ, правомѣрныхъ отношеній между ними, дѣ- лающихъ возможнымъ вѣчный миръ и исключаящихъ войну. Природа соединяетъ народы сознаниемъ взаимной собствен- ной пользы отъ мира. Кантъ главнымъ противникомъ войны называетъ „*духъ торговли* (Handelsgeist)“, или торговый инте- ресъ, который „не можетъ существовать вмѣстѣ съ войною и раньше или позже овладѣваетъ всякимъ народомъ“. Такъ- какъ силу и значеніе *денегъ* отлично знаютъ все государства, то они и „видятъ себя вынужденными (конечно, не нравственными мотивами) содѣйствовать благородному миру, и, гдѣ-бы на свѣтѣ ни грозила вспыхнуть война, предотвра- щать ее путемъ посредничества, какъ будто-бы они нахо- дились въ постоянномъ союзѣ“ ¹⁾. Дѣйствительно, съ раз- витіемъ торговыхъ связей между народами, война стано- вится все болѣе и болѣе невыгодной не только для самихъ воюющихъ, но и для другихъ государствъ, которые поэтому и заинтересованы въ предотвращеніи войны. Чѣмъ сильнѣе будетъ эта заинтересованность, тѣмъ скорѣе можно разчи- тывать на миролюбивое посредничество. Такимъ образомъ, государства, въ силу собственныхъ интересовъ, оказываются какъ-бы состоящими въ союзѣ другъ съ другомъ, съ цѣлію охранять миръ. Кантъ, — не безъ нѣкотораго противорѣчія тому, что говоритъ онъ по поводу своей II-ой дефинитив- ной статьи, — склоненъ, повидимому, усвоить этому посред- ничеству заинтересованныхъ въ сохраненіи мира государствъ характеръ угрозы или давленія по отношенію къ гото- вящимся воевать другъ съ другомъ государствамъ. По край- ней мѣрѣ, сказавъ о названномъ посредничествѣ, онъ при- бавляетъ, что „большіе союзы для войны могутъ заклю-

¹⁾ ibid S. 34

чаться въ высшей степени рѣдко и еще рѣже удаваться“¹⁾; выходитъ, что государства, желающія мира, должны быть сильнѣе собирающихся воевать и потому могутъ *принудить* послѣднія не вступать въ войну.

Торговые и экономическіе интересы, сблизжая народы, создаютъ между ними массу чрезвычайно сложныхъ отношеній, которыя должны быть регулированы извѣстными юридическими нормами. Почта, телеграфы, пути сообщенія, кредитъ, таможенные договоры и т. п. — все это до такой степени переплетаетъ международныя отношенія, что уже и теперь война на любомъ пунктѣ земного шара не можетъ оставаться безразличной для всего человѣчества; и не находящіяся въ войнѣ государства претерпѣваютъ при этомъ нѣчто, нарушающее правильность ихъ внѣшнихъ отношеній. Въ будущемъ-же это нарушение станетъ чувствоваться еще сильнѣе, потому что самыя отношенія усложнятся. Слѣдовательно, мирное разрѣшеніе международныхъ коллизій и разработка началъ международного права составляютъ естественную цѣль человѣчества, къ осуществленію которой влекутъ его собственныя выгоды.

„Подобнымъ-то образомъ,—такъ заканчиваетъ Кантъ свои разсужденія о гарантіи вѣчнаго мира,—природа *гарантируетъ* вѣчный миръ механизмомъ самыхъ человѣческихъ склонностей:—*гарантируетъ съ надежностью, которая, правда, недостаточна, чтобы теоретически безспорно предсказывать его наступленіе, но совершенно достаточна въ практическомъ смыслѣ и влѣняетъ намъ въ долгъ работать для этой отнюдь не шимерической цѣли*“²⁾.

b) *Гарантія вѣчнаго мира въ условіяхъ умственной жизни людей (Тайная статья вѣчнаго мира).*

Въ объективномъ смыслѣ, по словамъ Канта, говорить о „тайной статьѣ“ въ трактатѣ касающемся публичнаго права, было-бы противорѣчіемъ; по содержанію своему ни одна статья въ этомъ случаѣ не можетъ быть тайной. Но въ субъективномъ смыслѣ, принимая во вниманіе „*качество лица*,

¹⁾ *ibid.* Если-бы Кантъ могъ имѣть предъ глазами современное состояніе Европы, онъ не сказалъ-бы этого

²⁾ *ibid.* Курсивъ нашъ

диктующаго ея“, это вполне возможно. „Тайна здѣсь состоитъ въ томъ, что это лицо считаетъ опаснымъ для своего достоинства публично объявить себя авторомъ такой статьи“ ¹⁾. Такимъ лицомъ является каждый философъ въ государствѣ. Право философовъ содѣйствовать вѣчному миру Кантъ и формулируетъ въ слѣдующей статьѣ:

„Мнѣнія философовъ объ условіяхъ
„возможности мира должны прини-
„маться въ расчетъ приготовивши-
„мися къ войнѣ государствами“ ²⁾.

Справедливо замѣчаютъ, что со времени Платона ни одинъ еще философъ не заявлялъ такихъ смѣлыхъ политическихъ претензій ³⁾. Самъ Кантъ сознавалъ эту смѣлость и потому вслѣдъ за приведенной статьей прибавляетъ: „Для законодательнаго авторитета государства, которому естественно должна приписываться величайшая мудрость, можетъ показаться унижительнымъ объ основоположеніяхъ своего отношенія къ другимъ государствамъ искатъ наставленія у *подданныхъ* (философовъ)“;—„но, говоритъ онъ, дѣлать это все-таки весьма полезно“ ⁴⁾. Онъ не предлагаетъ государству открыто спрашивать у философовъ ихъ мнѣнія, что было-бы, пожалуй, немного и унижительно. Для сохраненія своего престижа оно можетъ „молчаливо (*stillschweigend*) приглашать къ этому“ философовъ, т. е., проще говоря, предоставить имъ право *высказываться* по политическимъ вопросамъ вообще и по вопросамъ внѣшней политики, касающимся объявленія войны, заключенія мира и т. п.—въ особенности. Это право не нуждается для своего утвержденія въ какомъ-либо международномъ соглашеніи, а просто вытекаетъ изъ нравственныхъ обязанностей правителей. Это не значитъ, чтобы мнѣнія философовъ ставились выше взглядовъ юристовъ; это значитъ только, что философскія мнѣнія нужно все-таки *выслушивать*. Юристъ, если онъ только не есть вмѣстѣ и философъ, часто бываетъ близорукъ и судить по устарѣлымъ

1) *ibid.* SS. 11—35

2) *ibid.* S. 35.

3) *Кюно Фишеръ*, Цит. соч., стр. 228.

4) *Zum ew. Fr.* S. 35

и не выдерживающимъ научной критики основаніямъ (дѣйствующее законодательство), легко подпадаетъ искушенію провозгласить: „*vae victis!*“ Философъ гораздо объективнѣе ¹⁾.

Въ послѣднихъ сужденіяхъ Канта сказалось вліяніе тѣхъ мотивовъ, которыми вызвано его извѣстное сочиненіе „Споръ факультетовъ“ ²⁾, и потому они не чужды нѣкотораго преувеличенія и полемическаго задора. Теперь философія права уже не стоитъ въ такомъ антагонизмѣ съ положительной юриспруденціей. Теперь всякій хорошій юристъ долженъ быть (хотя, къ сожалѣнію далеко не всегда бываетъ) вмѣстѣ и философомъ,—въ извѣстной, конечно, мѣрѣ. Но въ общемъ требованіе Канта, разумѣется, исполнѣнно законно, и его указаніе на болѣе передовой и объективный образъ мыслей философа сравнительно съ юристомъ тоже справедливо. Мнѣнія ученыхъ и философовъ по политическимъ вопросамъ должны приниматься въ расчетъ правительствами. Конечно, по идеѣ представители законодательной власти и администраціи должны обладать величайшей мудростью и не нуждаться въ совѣтахъ; но если-бы это всегда было, то исторія не надѣляла-бы нѣкоторыхъ выдающихся правителей эпитетами „мудрыхъ“. Если справедлива пословица, что „умъ хорошо, а два лучше“, то ученый, а въ особенности философскій умъ, приходящій на помощь уму правительственному, есть самая достожелательная вещь. Теперь эта истина все больше и больше сознается и самими правительствами, которыя для *чисто научнаго и философскаго* изслѣдованія вопросовъ права и обсужденія политическихъ задачъ и отношеній уже не ставятъ серьезныхъ препятствій. Преслѣдуется иногда только популяризація научныхъ и философскихъ выводовъ, которая почему-либо признается или преждевременной или неумѣстной для народа и тамъ называемой „читающей публики“. И нерѣдко правительственныя программы оказываются подъ сильнымъ вліяніемъ этой ученой работы. Такимъ образомъ, философы, какъ того желалъ и Кантъ, являются „тайными совѣтниками“ правительствъ.

Кантъ не затронулъ вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ [философы, если правительства станутъ ихъ слушать, способны

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Ниже (SS. 35—36) онъ и самъ въ этомъ сознается.

быть ревностными поборниками идеи вѣчнаго мира. Для него это, повидимому, было само собою очевидно. И мы готовы утверждать, что онъ не ошибся. Такие faux pas, какъ апологія войны г. Соловьева, въ философіи чрезвычайно рѣдки и имѣютъ своимъ источникомъ совсѣмъ не философскіе мотивы. Гораздо важнѣе спросить, достигаютъ-ли сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ своей цѣли философскія мнѣнія о войнѣ и мирѣ.—По самому существу дѣла, указать факты изъ практики правительствъ, въ которыхъ прямо и съ очевидностью сказалось-бы это вліяніе, нельзя, потому что вѣдь и условіями задачи требуется, чтобы правительства *молчаливо* принимали въ расчетъ философскія мнѣнія. Но, съ другой стороны, многочисленными фактами неопровержимо доказано, что законодательная дѣятельность и политика европейскихъ правительствъ стоятъ вообще въ весьма сильной зависимости отъ умственного и нравственнаго развитія управляемыхъ обществъ и отъ результатовъ науки. А поскольку умственное развитіе общества зависитъ отъ проникновенія въ его среду философски освѣщенныхъ научныхъ взглядовъ ¹⁾, успѣхи же наукъ неразрывно связаны съ философскою обработкой общихъ понятій и предположеній, лежащихъ въ ихъ основѣ, постольку, слѣдовательно, и философія можетъ считать себя участницей въ законодательной и политической жизни государствъ. Даже болѣе того. Мы въ самомъ началѣ своего очерка говорили, что теоретически теперь еще остается возможность спора о войнѣ. Представители наукъ политическихъ и историческихъ еще доселѣ иногда выступаютъ на защиту войны. Но, говорили мы, нравственное сознаніе христіанскаго человѣчества въ этомъ случаѣ опередило доктрину. Первая и главная доля участія въ этомъ ростѣ нравственнаго сознанія безспорно принадлежитъ христіанской религіи; второю причиною, дѣйствовавшею на ряду съ этою, надо признать философію, которая раньше другихъ наукъ пришла къ рѣшительному отрицанію войны и къ проповѣди вѣчнаго мира. И если рано или поздно моральное настроеніе человѣчества

¹⁾ Что *умственное развитіе* непрерывнымъ своимъ условіемъ имѣетъ *философское освѣщеніе* усвоенныхъ знаній, это мы уже имѣли случай раскрыть годъ тому назадъ,—въ Мартовской кн. „Богословскаго Вѣстника“ за 1898 г.

изгонитъ варварскую практику войны, философія будетъ имѣть полное право, вмѣстѣ съ религіей, вмѣнить это себѣ въ культурную заслугу.

Прислушиваясь къ общественному настроенію, возстающему противъ войны, правительства слышатъ въ этомъ настроеніи и голосъ философіи, принимавшей участіе въ его созданіи. Пусть-же никогда не умолкнетъ голосъ этихъ проповѣдниковъ лучшаго будущаго! „Чтобы правители стали философами или философы правителями,—этого нельзя ни ожидать, ни даже желать, потому что обладаніе властью неизбежно повредило-бы свободному сужденію разума. Но чтобы правители или самоуправляющіеся народы не позволяли печезнуть или умолкнуть классу философовъ, а предоставляли имъ возможность открыто высказываться, — это непременно нужно для ихъ собственнаго дѣла“¹⁾. Такими словами заканчиваетъ Кантъ свои разсужденія о тайной статьѣ вѣчнаго мира. Мы къ этимъ словамъ ничего не имѣемъ прибавить.

IV.

Отношеніе между моралью и политикой съ точки зрѣнія интересовъ вѣчнаго мира.

Что вѣчный миръ народовъ составляетъ политическій *идеалъ*, къ осуществленію котораго надо всемѣрно стремиться, этого никто не можетъ отрицать. Но способна-ли современная *политика*, т. е. *практика* государственныхъ дѣятелей, пріемы ихъ дѣятельности, надежнымъ образомъ вести къ осуществленію этого идеала?—Самый фактъ созванія теперь въ Гагѣ конференціи наглядно показываетъ, что народы взнемогли подъ бременемъ тѣхъ результатовъ, которые дала эта практика; что современная политика *не ведетъ* народы къ вѣчному миру, а напротивъ,—дала имъ „вооруженный“ миръ, т. е. ежеминутную готовность начать самую потребительную войну другъ противъ друга. Ясно, что этой практикѣ доселѣ не хватало нѣкоторыхъ руководящихъ началъ, съ которыми она способна была-бы вести человечество къ идеалу. И если собирающейся конференціи суждено дать

1) Zum ew. Frieden, S. 36.

поворотъ къ лучшему будущему, то это можетъ совершиться не иначе, какъ чрезъ введеніе въ политическую практику недостававшихъ ей доселѣ началъ. Какія же это начала? Мы видѣли, что мечты о вѣчномъ мирѣ вырастаютъ на почвѣ *нравственнаго* развитія человѣчества; что человѣчество изъ глубины своего нравственнаго сознанія выдвигаетъ этотъ идеалъ и настойчиво со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ концовъ земного шара требуетъ отъ правительствъ приближенія къ этому идеалу. Понятно отсюда, что именно *нравственныхъ-то началъ* доселѣ и не хватало политикѣ. Это не значитъ, конечно, того, будто-бы политика намѣренно отрицала мораль; но она *не находила возможнымъ* всегда сообразоваться съ нравственными требованіями во всей ихъ *теоретической чистотѣ*, а руководясь главнымъ образомъ практическими интересами и соображеніями *выгоды*, принимала во вниманіе нравственныя требованія лишь съ извѣстными *ограниченіями*, въ мѣру ихъ практическихъ удобствъ. Такимъ образомъ, создавался какъ-бы видъ особой *практической* морали. Это обстоятельство находило свое оправданіе въ одномъ давнишнемъ предразсудкѣ человѣческомъ, будто „справедливое въ теоріи не всегда справедливо на практикѣ“. Наибольшую дань этому предразсудку всегда платили практическіе дѣятельцы,—и между ними первое мѣсто принадлежало, безспорно, политикамъ. Не близится-ли время отрѣшиться отъ этого предразсудка?... И Кантъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ своемъ проектѣ вѣчнаго мира, замѣчательно идетъ на встрѣчу назрѣвающимъ потребностямъ нашей эпохи. Въ двухъ „приложеніяхъ“ къ своей книжкѣ онъ настойчиво доказываетъ, что между политикой и моралью не можетъ и не должно быть разногласія, что „честность—лучшая политика“ ¹⁾. Канту не разъ и во многихъ мѣстахъ приходилось бороться противъ упомянутаго предразсудка: „справедливое въ теоріи не всегда справедливо на практикѣ“. Отношеніе политики и морали съ точки зрѣнія интересовъ вѣчнаго мира даетъ ему новый богатый матеріалъ для этой борьбы. Основная мысль всѣхъ его разсужденій здѣсь та, что *вѣчный миръ возможенъ только при честной политикѣ*

1) „Ehrlichkeit ist die beste Politik“ (S. 37)

а) *Честность и благоразуміе въ политикѣ.*

Мораль, утверждаетъ Кантъ, сама по себѣ есть практика въ объективномъ смыслѣ этого слова, — какъ сумма безусловно обязательныхъ законовъ, по которымъ мы *должны* дѣйствовать, — и потому будетъ совершенной несообразностью, признавая эту обязательность, говорить, что мы *не можемъ* дѣйствовать по предписаніямъ морали: тогда незачѣмъ и признавать обязательность, — *ultra posse nemo obligatur*. Следовательно, между политикой, практически осуществляющей ученіе права, и моралью, — разъ она настаиваетъ только на последовательномъ проведеніи въ жизнь основныхъ началъ права, т. е. теоретически распространяетъ признаваемые самой политикой принципы на извѣстныя жизненныя отношенія, — не можетъ быть никакого спора; другими словами, не можетъ быть разногласія *между теоріей и практикой* политической ¹⁾.

„Политика говоритъ: *Будьте мудры, какъ змѣи; мораль представляетъ: и просты, какъ голуби* (Мат. 10, 16). Если то и другое требованіе не можетъ вмѣстѣ существовать въ одной заповѣди, то дѣйствительно существуетъ разногласіе между политикой и моралью; но если то и другое вполнѣ соединимы, то самая идея противоположности между политикой и моралью абсурдна, и не можетъ быть даже вопроса о примиреніи этого разногласія“ ²⁾. Голубиная простота, или *честность* въ политикѣ вполнѣ соединима съ змѣиной мудростью, или *благоразуміемъ*.

Кантъ признавалъ возможными два типа политиковъ. Одинъ „такъ понимаетъ принципы государственнаго благоразумія (Staatsklugheit), что они всегда могутъ существовать совмѣстно съ моралью“, другой-же „такъ выковываетъ себѣ мораль, чтобы она была выгодна съ точки зрѣнія интересовъ государственнаго человѣка“. Перваго онъ называетъ „*моральнымъ политикомъ*“, а второго — „*политическимъ моралистомъ*“, желая показать, что для перваго центръ тяжести, опредѣляющее начало находится *въ морали*, а для втораго — *въ политикѣ*, первый политику подчиняетъ морали, а вто-

¹⁾ *ibid* S. 37

рой—наоборотъ 1). Нѣтъ нужды говорить, что Кантъ считалъ законнымъ только первый изъ этихъ типовъ, а послѣдній рѣшительно осуждалъ.

Вотъ какъ ближе онъ характеризуетъ оба эти типа.

Моральный политикъ въ руководственное начало своей дѣятельности беретъ слѣдующее разсужденіе: „если въ устройствѣ государства или въ отношеніяхъ государствъ другъ къ другу встрѣчается какой нибудь недостатокъ, котораго нельзя было предотвратить, то долгъ правительствующихъ лицъ—позаботиться о томъ, чтобы ихъ какъ можно скорѣе улучшить и сдѣлать соответствующими естественному праву, какъ оно рѣшается намъ въ идеѣ разума“ 2). Если недостатокъ слишкомъ глубоко вошелъ въ строй государственныхъ отношеній, и его нельзя удалить безъ серьезнаго потрясенія всего государственнаго организма, то было-бы противно благоразумію, вопли согласному въ данномъ случаѣ съ моралью, требовать немедленной реформы. Ее надо сначала подготовить. Но будетъ вопли законнымъ требованіемъ, чтобы правительство признало ея необходимость и постепенно и неуклонно стремилось къ ея осуществленію 3). *Революцію* Кантъ не одобрялъ и считалъ незаконнымъ средствомъ для утвержденія справедливости. Но тамъ, гдѣ политика моральна, т. е. идетъ навстрѣчу назрѣвающимъ народнымъ потребностямъ, революція и невозможно. Точно также не одобрялъ онъ, какъ безнравственную политку, и *реакцію*, т. е. стремленіе отнять у народа достигнутыя имъ блага болѣе справедливаго государственнаго устройства и вернуть его къ прежнему, менѣе справедливому. Честный политикъ не долженъ становиться реакціонеромъ даже и въ томъ случаѣ, если справедливая реформа осуществлена незаконнымъ путемъ 4).

Второй типъ, который Кантъ называлъ „политическимъ моралистомъ“, при болѣе подробной характеристикѣ онъ предпочитаетъ (дабы показать, что это—всетаки *политикъ*, только усвоившій себѣ извѣстное отношеніе къ морали) на-

1) *ibid.* S. 39

2) *ibid.*

3) *ibid.* S. 40

зывать „морализирующимъ политикомъ“. Это — не „моральный“ политикъ, потому что мораль онъ цѣнитъ не слишкомъ высоко, а только „морализирующій“, потому что онъ старается оправдывать съ нравственной точки зрѣнія все, что требуется политическими выгодами. Этого типа политики стараются изнять и оправдывать противные праву государственные принципы и тѣмъ дѣлаютъ невозможными улучшения въ государственномъ строѣ. Они всегда поддаются къ власти и ради собственныхъ выгодъ готовы были бы продать не только свой народъ, но хотя-бы и цѣлый міръ. Нравственная цѣнность ихъ дѣйствій для нихъ мало значить; все дѣло въ томъ, чтобы выдти достигнуть своихъ цѣлей. Соображенія выгоды для нихъ выше всего. Идеаль змѣной мудрости они признаютъ очень охотно, а честность считаютъ крайне непрактичною. Единственная ихъ дань морали состоитъ въ томъ, чтобы, по возможности, дѣлать не слишкомъ замѣтными совершаемыя несправедливости. Неуксаная политика, чтобы не дискредитировать себя внутри государства и во внѣшнихъ отношеніяхъ, должна прикрываться личною справедливости. Правила этой политики сводятся къ тремъ знаменитымъ положеніямъ:

1) „*Fac et excusa*“. Пользуйся всякимъ удобнымъ случаемъ для достиженія задуманныхъ цѣлей. Прежде всего достигай цѣли, а потомъ уже подыскивай для нея оправданіе. Когда дѣло уже сдѣлано, его легче оправдывать. Это—всѣмъ знакомая „политика совершившихся фактовъ“. Въ особенности это легко бываетъ, когда несправедливость совершена въ предѣлахъ собственного государства: подданные не всегда осмѣлятся разсуждать, а скорѣе подчинятся. Но удастся это и относительно другихъ государствъ. „Самая эта дерзость, говоритъ Кантъ, создаетъ видимость внутренняго убѣжденія, и затѣмъ богъ *bonus eventus* есть лучший адвокатъ“.

2) „*Si fecisti, neqa*“. Если сдѣлано такое дѣло, которое ужь никакъ нельзя представить справедливымъ, если оно явно гадко, то отрекайся отъ него и говори, что это *не твоя вина*, что виноваты въ этомъ другіе или вообще независяція отъ насъ обстоятельства.

3) „*Divide et impera*“ Вооружить своихъ противниковъ (внѣ или внутри государства—это все равно) другъ противъ друга.

создать антагонизмъ между ихъ интересами, и тѣмъ предотвратить для себя опасность ихъ союза—это одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ искусной политики. Порожнь съ противниками бороться легче ¹⁾).

Честность и политическое благоразуміе — вотъ два принципа политической практики. Смотря по тому, какой имѣеть руководящее значеніе и какой—подчиненное, мы получаемъ два типа политики. Моральные политики не отказываются отъ благоразумія, и оно у нихъ, когда находятъ примѣненіе, не искажается, не теряетъ своей природы. Марализирующие политики для видимости не отказываются отъ морали, но на дѣлѣ она у нихъ не имѣеть никакого значенія. *Соединеніе* змѣнной мудрости и голубиной простоты, слѣдовательно, возможно только въ одномъ типѣ политика. Уже это одно достаточно для сравнительной оцѣнки типовъ.

Въ интересахъ-же вѣчнаго мира, само собою понятно, политика честности безусловно предпочтительнѣе, потому что она, пользуясь средствами политическаго благоразумія, дѣлаетъ это, *не нарушая справедливости* и потому способна поддерживать взаимное довѣріе и уваженіе народовъ, столь необходимое для сохраненія мира между ними. Въ отличіе отъ благоразумія морализирующихъ политиковъ, Кантъ предлагаетъ называть это справедливое благоразуміе „*государственной мудростью* (Staatsweisheit)“ ²⁾.

Но чтобы принципиально рѣшить вопросъ объ отношеніи политики къ морали, Кантъ употребляетъ слѣдующій пріемъ. Онъ беретъ самое общее различіе между политикой простого *благоразумія* и политикой государственной *мудрости* и находитъ, что первая руководится *материальнымъ* принципомъ, т. е. опредѣленной эмпирической *целью* (стремится къ достиженію нѣкоторыхъ строго опредѣленныхъ результатовъ), вторая-же руководится *формальнымъ* принципомъ, при которомъ *цель можетъ быть какою угодно*: принципъ этотъ (= *нравственный принципъ*) гласитъ: поступай такъ, чтобы ты могъ желать, чтобы правило твоего поведенія слѣдалось всеобщимъ закономъ. Какой-же принципъ,—спраши-

¹⁾ ibid. SS. 41—43.

²⁾ ibid S 46.

вается затѣмъ,—вѣрнѣе?—Кантъ, не колеблясь, отдастъ предпочтеніе формальному, „потому что опъ, какъ принципъ права, обладаетъ безусловной необходимостью“, тогда какъ матеріальный „служить побужденіемъ только при предположеніи эмпирическихъ условій поставленной цѣли, т. е. ея неполненія“ ¹⁾.

Съ этой точки зрѣнія утвержденіе вѣчнаго мира на землѣ для политики простого благоразумія есть *проблема политическаго искусства* (*problema technicum*), для политики-же государственной мудрости—*нравственная проблема* (*problema morale*). Но вѣчный миръ не есть нѣчто такое, чего желаютъ только, какъ физическаго блага, а есть состояніе вытекающее изъ признанія долга. Поэтому достиженіе его одними средствами политическаго искусства представляется мало вѣроятнымъ. Для этого потребовалось-бы большое *знаніе природы*, чтобы воспользоваться ея механизмомъ для намѣченной цѣли, и всетаки результатъ былъ-бы весьма невѣрный. Соціологическія и политическія обобщенія еще не достаточно надежны, чтобы на нихъ основывать такую программу. И все эти системы договоровъ, контрактовъ, если за ними не стоитъ искреннее желаніе сохранять справедливость въ международныхъ отношеніяхъ, тоже не приведутъ къ цѣли. Осуществленіе-же вѣчнаго мира, какъ нравственной задачи, не требуетъ, отъ политика никакихъ сложныхъ махинацій. Достаточно только открыто стать подъ знаменемъ справедливости и честности, чтобы устранить,—по крайней мѣрѣ, съ своей стороны,—всякую угрозу миру. А если то-же сдѣлаютъ и политики всѣхъ странъ, то проблема и „разрѣшается сама собою“, какъ говоритъ Кантъ ²⁾.

Намъ нѣтъ нужды повторять, насколько для нашего времени умѣстна эта проповѣдь честности и справедливости въ политикѣ. Политика расчета и одного только благоразумія не оправдала себя. Въмѣсто предполагаемыхъ выгодъ она даетъ чистый убытокъ въ видѣ милитаризма, такъ дорого обходящагося народамъ. Несомнѣнно, что пора испробовать другую, справедливую политику. Мы уже не разъ говорили, что европейскія государства уже въ значительной мѣрѣ поняли

¹⁾ *ibid* S. 45

²⁾ *ibid*, S. S. 45—46

эту истину и во многихъ отношеніяхъ вступили на этотъ новый путь. Но безспорно, что много еще остается здѣсь дѣломъ будущаго. Пожелаемъ-же, чтобы это будущее скорѣе наступило!

в) *Условіе честной политики.*

Мораль и политика не противны другъ другу. Задачи ихъ вполне соединимы, и отъ этого соединенія политика въ концѣ концовъ только выигрываетъ. Моральный политикъ долженъ благоразуміе соединять съ справедливостью. Но такъ-какъ справедливость извѣстнаго дѣйствія можетъ иногда подлежать спору, а своекорыстіе и вообще практическій интересъ могутъ ослѣплять самихъ спорящихъ, то необходимо какой-нибудь *вышней критерій* справедливаго дѣйствія.

Политическія дѣйствія принадлежатъ къ области *публичнаго права*. Слѣдовательно, въ понятіи послѣдняго и можетъ быть отыскиваемъ критерій справедливости политическихъ дѣйствій. Если мы, говоритъ Кантъ, въ понятіи публичнаго права будемъ игнорировать совершенно всякую его *матерію*, то въ результатѣ такой абстракціи у насъ останется только *форма публичности*, безъ которой не будетъ уже и самаго права. Эту форму публичности и нужно взять за критерій: принципъ, который я не могу *провозгласить открыто*, не дѣлая чрезъ то тщетнымъ самаго своего намѣренія,—очевидно, противенъ справедливости; намѣреніе, которое я долженъ *скрывать*, чтобы оно мнѣ удаюсь, въ которомъ я не могу *открыто признаться*, не вызывая всеобщаго а priori мною предвидимаго противодѣйствія моему умыслу,—тоже несправедливо ¹⁾. Такимъ образомъ, „абстракція отъ всего эмпирическаго, что содержитъ понятіе государственнаго и международнаго права“ даетъ слѣдующую, какъ выражается Кантъ, „*трансцендентальную формулу публичнаго права*“:

„Все дѣйствія, касающіяся права „другихъ людей,—несправедливы, если ихъ руководящее начало не „мирится съ публичностью“ ²⁾

Это—принципъ, заразъ и *юридическій* и *этический*. Потому-то онъ и даетъ возможность судить о согласіи или несогласіи

¹⁾ *ibid* S. 50—51

²⁾ *ibid* S. 50

политики съ моралью и естественнымъ правомъ. Принципъ этотъ примѣнимъ къ оцѣнкѣ всѣхъ явленій публичнаго права — *государственнаго, международнаго и космополитическаго*.

1) Что касается *государственнаго* права, то Кантъ приводитъ здѣсь примѣръ, показывающій съ его точки зрѣнія, что этотъ принципъ выдерживаетъ провѣрку. Такъ, если-бы *революція* была правомѣрнымъ способомъ улучшать государственный строй, то притязаніе на это право не боялось-бы заявлять о себѣ публично; между тѣмъ оно всячески избѣгаетъ публичности ¹⁾.

2) Относительно *международнаго* права, въ вопросахъ котораго чаще всего обнаруживается разногласіе политики и морали, Кантъ утверждаетъ, что здѣсь этотъ *критерій публичности* находитъ самое плодотворное примѣненіе. Для доказательства оно разбираетъ три примѣра, въ которыхъ можетъ обнаруживаться антиномія морали и политики

а) „Если одно государство обѣщало что-нибудь другому, — допустимъ, помощь, уступку извѣстныхъ земель, субсидію и т. п., то спрашивается, можетъ-ли оно въ случаѣ, отъ котораго зависить спасеніе государства, отказаться отъ исполненія своего слова“? Дѣло здѣсь въ томъ, что по принципамъ международного права на самостоятельность государства никто не можетъ посягать, не исключая и его правительства; поэтому, разъ исполненіе своихъ обязательствъ оно считаетъ угрожающимъ самому своему существованію, то въ правѣ ихъ не исполнять. Съ другой стороны, возможно и такое разсужденіе, что рискуя собственнымъ существованіемъ, государство поступаетъ въ лицѣ своего правительства, какъ полновластный и безответственный хозяинъ, и потому должно выполнить обязательство. Для рѣшенія этой антиноміи, говоритъ Кантъ, достаточно будетъ предположить, что государство *открыто* заявило-бы свою теорію о необязательности для себя исполнять свои обѣщанія. Это тотчасъ-же повлекло-бы за собою такія послѣдствія, которыя ни для одного политика не покажутся желательными (паденіе кредита, предупредительная война и т. п.); и можно быть заранѣе увѣреннымъ, что ни одно государ-

¹⁾ ibid S 51

ство такой теоріи не провозгласить,—слѣдовательно, молчаливо признаеть ее *незаконной* и нечестной ¹⁾.

б) „Если возрастаетъ до ужасающей величины (*potentia tremenda*) сила сосѣдняго государства, то можно-ли допускать, будто оно, если *можетъ*, такъ и *пожелаетъ* угнетать слабѣйшія, и есть-ли у послѣднихъ право къ соединенному нападенію на него, даже и безъ всякой предварительной обиды съ его стороны“? Слабое государство, которое высказало-бы подобное намѣреніе, этимъ повредило-бы только себя-же самому, потому что сильное, не дожидаясь дѣйствительнаго образованія враждебнаго себя союза, успѣшило-бы, для предупрежденія опасности, по одиночкѣ разгромить своихъ слабѣйшихъ предполагаемыхъ противниковъ ²⁾.

в) „Если меньшее государство своимъ географическимъ положеніемъ нарушаетъ связь частей большаго, которое однакожь нуждается въ этой связи для своего сохраненія, то не въ правѣ-ли послѣднее покорить первое и присоединить къ себя“? Легко видѣть, говоритъ Кантъ, что большее государство заявить открыто подобную теорію не прежде, чѣмъ уже осуществить ее; ибо иначе — или меньшія государства заранѣе соединились-бы для предотвращенія такого захвата, или другія большія стали-бы оспаривать добычу въ свою пользу ³⁾.

з) Что касается *космополитическаго* права, то изъ его области Кантъ не приводитъ примѣровъ, потому что это право во многомъ аналогично съ международнымъ и потому, очевидно, допускаеть примѣненіе того-же критерія ⁴⁾.

Окончивъ обзоръ Кантова проекта вѣчнаго мира, мы можемъ еще разъ не указать на тотъ основной мотивъ, который побудилъ великаго философа предпринять его трудъ. Этотъ мотивъ—вѣра въ конечное торжество идеала законности, честности и справедливости въ политической жизни

¹⁾ *ibid* S. 53

²⁾ *ibid*

³⁾ *ibid* S. 54

народовъ. Не боясь показаться утопистомъ, онъ предъявляетъ правительствамъ и народамъ самыя смѣлыя требованія. Съ другой стороны, не опасаясь упрека въ мелочности и элементарности, онъ добросовѣстно развиваетъ систему нѣкоторыхъ самоочевидныхъ положеній, но къ сожалѣнью еще не вошедшихъ въ жизнь. Во всемъ этомъ видно некрепнее и глубокое убѣжденіе. Нашъ мудрецъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы справедливость въ мірѣ оставалась пустою мечтою;—здѣсь негочиникъ его рѣзкихъ отзывовъ о политикахъ, не руководящихся нравственными требованіями. Поистиннѣ трогательна та горячность, съ какою онъ бросаетъ этимъ проповѣдникамъ политическаго брагоразумія знаменитое „*fiat justitia, pereat mundus!*“ „Да царствуетъ справедливость, хотя-бы отъ того погнѣли все плуты въ мірѣ“¹⁾,—такъ переводилъ онъ древнее изреченіе;—и мы невольно улыбаемся читая этотъ переводъ, но именно въ его смѣшной формѣ намъ видится высокій нравственный энтузіазмъ. Если-бы огнемъ такого энтузіазма горѣли сердца членовъ собиравшейся теперь конференціи, то она, несомнѣнно, пришла-бы къ добрымъ результатамъ

II. Тихомировъ.

¹⁾ *ibid.* S. 47